

На правах рукописи

Шнейдер Константин Ильич

**МЕЖДУ СВОБОДОЙ И САМОДЕРЖАВИЕМ: ИСТОРИЯ РАННЕГО
РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Челябинск – 2013

Работа выполнена на кафедре древней и новой истории России ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Официальные оппоненты: **Китаев Владимир Анатольевич**
доктор исторических наук, профессор
кафедра методологии истории и исторической информатики ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
заведующий сектором методологии и историографии ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук»

Тимофеев Дмитрий Владимирович
доктор исторических наук, доцент
кафедра истории дореволюционной России
Институт гуманитарного образования
ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО
«Омский государственный университет».

Защита состоится 18 октября 2013 г. в 15-00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.298.13 при Южно-Уральском государственном университете (454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина 76, ауд. 1007).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Южно-Уральского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Ранний русский либерализм до сих пор не является общепризнанной частью историографической традиции в отечественном «либераловедении» в отличие от западной русистики. Если обратиться к работам, посвященным истории либерализма в самодержавной России, то нетрудно заметить научные предпочтения советских и российских экспертов: они исследовали пореформенный период развития и особенно первые два десятилетия XX столетия. Это обстоятельство не вызывает удивления и вполне объяснимо, так как именно тогда национальная либеральная мысль сначала концептуально «повзрослела», а затем институционально оформилась в соответствующие партийные и государственные структуры.

Вместе с тем недостаточное внимание отечественных специалистов к начальной истории русского либерализма не снимает проблемы изучения генезиса либеральной традиции в России и содержания ее первоначальных проектов. Исследование любого исторического явления, в том числе и интеллектуального феномена, заставляет ученого заниматься проблемой его происхождения. Когда и как происходил процесс формирования либеральной традиции в России? Каким был первый вариант русского либерализма? Ответы на поставленные вопросы, скорее всего, следует искать в истории российской общественной мысли середины XIX столетия. Кроме того, согласно академическим нормам, было бы неплохо дать имя «либеральному первенцу», соответствующее стартовому периоду истории русского либерализма.

Уже этого обстоятельства достаточно для того, чтобы обратиться к универсальному и привычному для научного лексикона термину «ранний либерализм» в противовес таким малосодержательным определениям как «дворянский», «помещичий» либерализм и т.д. Выделение раннего русского либерализма в качестве самостоятельного этапа поможет преодолеть дискретность в исследовании либеральной традиции в России, выстроить периодизацию всей истории отечественного либерализма, начальные страницы которой все еще не написаны, соотнести дефиницию (либерализм) и содержательный

контекст (совокупность идей, сформулированных либеральными мыслителями в середине XIX столетия). Наконец предлагаемая процедура будет способствовать идентификации русского либерализма через его обособление от российского радикализма и консерватизма XIX в.

С одной стороны, научная неразработанность темы генезиса отечественного либерализма должна вдохновлять современного исследователя возможностью оставить свой след в отечественном «либераловедении». С другой стороны, вызывает сожаление даже не столько весьма небольшое количество оригинальных и фундированных научных моделей истории раннего русского либерализма, сколько небольшой экспертный интерес к ней в настоящее время. В сложившейся историографической ситуации назрела необходимость представить ранний русский либерализм как сложный и противоречивый феномен, вбирающий в себя идейно-политические, социально-экономические, исторические, этические, эстетические и антропологические характеристики. Ранний русский либерализм соединил в себе уникальные черты модернизационной эпохи Великих реформ с отечественной исторической традицией, универсальные либеральные ценности с особенностями национальной политической культуры.

Объект исследования – интеллектуальный феномен раннего русского либерализма, сформировавшийся в середине XIX в. и представленный именами П.В. Анненкова, И.К. Бабста, В.П. Боткина, А.В. Дружинина, К.Д. Кавелина, Е.Ф. Корша и Б.Н. Чичерина. Именно в этот период в результате сложного и неоднозначного процесса адаптации классических европейских либеральных ценностей в условиях существования автократического режима появился первый концептуальный вариант русского либерализма. С самого начала он был неоднородным по своему внутреннему содержательному наполнению, что наиболее ярко проявилось в возникновении двух основных течений в нем – «народнического», традиционно связанного с воззрениями Кавелина и «охранительного», ставшего итогом интеллектуальных усилий Чичерина. Спецификой

объекта (интеллектуального и гетерогенного) обусловлен выбор предмета исследования.

Предметом исследования являются 1) представления и взгляды круга отечественных либеральных интеллектуалов середины XIX столетия, которые легли в основу концепции раннего русского либерализма (Анненков, Бабст, Боткин, Дружинин, Кавелин, Корш, Чичерин); 2) интеллектуальные практики рецепции европейского либерального опыта в национальных условиях (разные варианты адаптации классической либеральной аксиологии в отечественной общественной мысли середины XIX в.).

Критериями отнесения Анненкова, Бабста, Боткина, Дружинина, Кавелина, Корша и Чичерина к ранним русским либералам могут быть:

- их самоидентификация в качестве либералов;
- открытое сочувствие и профессиональный интерес к идейному наследию и практическому опыту западного либерализма;
- использование общего для либералов понятийного арсенала;
- разработка целостной национальной программы либерального развития общества;
- критическое отношение к радикализму и консерватизму;
- восприятие их образа со стороны оппонентов «слева» и «справа»;
- особенности этического и эстетического отношения либералов к окружающей действительности.

Для изучения рецептивных практик актуальным является определение масштаба и технологии заимствования, при которых оказалось возможным интеллектуальное «приживление» «чужого» опыта в национальном поле производства идей.

Цель исследования – изучение и теоретическое осмысление истории формирования и особенностей раннего русского либерализма. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

- установить персональный состав отцов-основателей раннего русского либерализма;
- определить аксиологические предпочтения ранних русских либералов и смысловые коннотации классических либеральных ценностей;
- рассмотреть комплекс исторических, экономических, социально-политических и социокультурных взглядов ранних русских либералов;
- реконструировать биографические траектории ранних русских либералов «второго ряда»;
- представить основные этапы генезиса отечественной либеральной традиции;
- обосновать правомерность выделения «раннего русского либерализма» в качестве самостоятельного периода в истории либеральной традиции в России;
- обозначить место раннего русского либерализма в истории европейской либеральной мысли XIX в.

Хронологические рамки исследования имеют два главных измерения в соответствии с особенностями изучаемой проблемы. Существуют широкие временные границы (вторая половина XVIII в. – 1860-е гг.), когда происходил длительный процесс формирования отечественной либеральной традиции. Точкой отсчета в данном случае является эпоха «просвещенного абсолютизма» Екатерины Великой, вербально и отчасти с помощью законотворческой деятельности утвердившей высокий общественный статус либеральных ценностей европейского Просвещения в России и создавшей интеллектуальную среду для их обсуждения. На протяжении всей первой половины XIX столетия этот импульс не только не исчез, но получил свое развитие, прежде всего в образованной части российского общества и, в конечном счете, привел к появлению концепции раннего русского либерализма. Узкие хронологические рамки (вторая половина 1850-х – 1860-е гг.) фиксируют конкретный период разработки и теоретического оформления раннелиберального феномена в отечественном интеллектуальном пространстве и являются основными для данного исследования.

Территориальные границы исследования распространяются на центральные регионы России, а именно на две столицы – Санкт-Петербург и Москву. Такая специфика связана с постоянным местом проживания ранних русских либералов, хотя некоторые из них создавали свои тексты, в том числе, во время пребывания в родовых имениях в провинции или за границей. Тем не менее, столичная логистика в истории становления раннего русского либерализма вполне объяснима в силу того, что Санкт-Петербург и Москва в середине XIX в. являлись крупнейшими центрами притяжения всех образованных и академических социальных ресурсов, формировали эксклюзивную интеллектуальную инфраструктуру (университетская среда, рынок российских и зарубежных периодических изданий разных направлений, книгоиздательства, библиотеки, салоны и кружки), имели привилегию близости к центральной власти и возможность апелляции к ней. Кроме того, в это время география распространения либеральных идей только начинала прирастать за счет провинции.

Основными **методологическими ориентирами** при написании диссертации послужили положения социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана и концепция социального поля П. Бурдьё.

Любой исследователь раннего русского либерализма обречен на поиски адекватного методологического инструментария, позволяющего объяснить многочисленные «узкие» места и нестыковки отечественного варианта не только с идеально-типической либеральной моделью, но и с европейскими образцами. Как изучать начальную историю либеральной традиции в России? Очевидно, что существует некий западный (британский) либеральный канон, с которым традиционно сравнивают любую его национальную версию, в частности русскую. Сразу же выясняется нерадостная исследовательская перспектива, связанная с несхожестью, а зачастую и с концептуальной противоречивостью европейского эталона и его русского аналога.

Вместе с тем любой национальный либеральный вариант, в том числе русский, будет естественно отличаться от канонического, особенно на этапе

своего становления, и это не является поводом к его отрицанию, а требует скрупулезного изучения и объяснения. Что касается раннего русского либерализма, то наиболее плодотворным может стать разработка концепции «просвещенного абсолютизма» применительно к историческим условиям России первой половины XIX столетия. Именно она являлась интеллектуальной средой формирования раннего русского либерализма, который, в конце концов, преобразовал креативный потенциал модели «просвещенного абсолютизма» в российский конституционализм второй половины XIX в.

Период адаптации либеральных идей в национальных условиях является маркером для установления времени появления феномена раннего русского либерализма. Вообще «надвременной» сущности либерализма не существует, есть лишь «исторические формы употребления определенного понятия применительно к определенным политическим позициям, партиям, программам и так далее»¹. Либерализм всегда исторически детерминирован, что закономерно вызывает его географическую и содержательную мутацию на разных этапах общественного развития. Поэтому первоначальная отечественная либеральная версия не только не могла быть зеркальным отражением какой-либо идеальной западной модели, но и неизбежно пропитывалась «национальным колоритом». Лишь после ее рождения следует отсчитывать настоящую историю либеральной традиции в России².

Не менее важной целью для любого «либераловеда», изучающего генезис российской либеральной традиции, является концептуализация заявленной темы. Основными задачами историографии признают описание, объяснение, обоснование и интерпретацию³. Чтобы не задержаться на первых ступенях профессиональной работы историк нуждается в солидном методологическом обеспечении. В противном случае можно легко оказаться в зоне нерелевантного конструирования научного материала, продемонстрировав свою теоретическую

---

¹ Гойс Р. Неуют либерализма // Неприкосновенный запас. 2010. № 5. С. 8.

² См. раздел диссертации: Генезис русского либерализма.

³ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 241–242.

неподготовленность. С другой стороны, успех в этом сложном деле позволит автору пополнить банк оригинальных исследовательских версий.

Идейной первоосновой либерализма являются индивидуализм и свобода, декларирующие приоритет личности по отношению к обществу и государству. Независимость индивида закономерно предполагает наличие его неотъемлемых прав и свобод, которые не могут быть никем отчуждены и должны гарантироваться и охраняться властью и социумом. По либеральным канонам наибольшее значение первоначально имело право владения и свободного распоряжения собственностью.

Одной из наиболее сложных и противоречивых в либеральном мировосприятии следует признать идею естественных и равных прав человека, так как ее реализация всегда требует разрешения конфликта между декларативной и практической частью без угрозы саморазрушения всего общественного организма. Каким образом в социуме можно обеспечить законное желание каждого индивида иметь собственность в условиях ее неизбежного отчуждения от большинства населения? Или как примирить естественные и демократические по содержанию политические интенции доминирующей малообеспеченной части общества, ориентированной на передел власти и богатства, с защитой интересов имущего и образованного меньшинства? Наконец есть ли шанс ужиться традиционной вере либерала в прикладные возможности науки с ее детерминизмом и ведущим либеральным концептом свободы личности? Потенциально негативных последствий преодоления этих антиномий на любом этапе исторического развития было гораздо больше, чем оптимистических прогнозов. Поэтому вся история либерализма является примером непрерывного поиска адекватных средств для успешного разрешения внутренних конфликтов в теоретических и практических положениях⁴.

Не удивительно, что выполнение таких сложных задач, всегда стоявших перед либеральной мыслью, невозможно представить в рамках одной идеально выстроенной модели. Говоря о либерализме, «правильнее описывать его не как

---

⁴ См.: Либерализм Запада XVII–XX в. М., 1995.

единую доктрину или мировоззрение, а как совокупность родственных идеологий, своеобразное идеологическое семейство»⁵. Канонический образ инвариантной основы либерализма в действительности распадается на разнообразные версии, наполненные национальной спецификой.

Традиционно специалисты ориентированы на присутствие в историографии «большой» истории либерализма, в контекст которой они пытаются вписать результаты своих собственных исследований. Однако подобное утверждение как минимум спорно, так как реальная история того или иного национального либерального варианта неизбежно будет характеризоваться изрядной долей содержательного многообразия, часто несводимого к какой-либо матричной основе. Это вовсе не означает, что нет общего для всего «либераловедения» основания, на котором формируются различные академические версии истории либерализма и под которым подразумеваются классические либеральные ценности. Но их архитектоника и национальная специфика всегда будут детерминированы различными факторами, начиная с географического и заканчивая политическим, особенно на этапе становления либеральной традиции. Таким образом, может быть стоит говорить о «либерализмах» и признать идею либерального метанарратива красивой, но мифологической гипотезой?

Одновременно, совсем непросто выявить само «либеральное родство», которое традиционно определяется двумя способами – «через выделение некоторого “твердого ядра” суждений и приверженностей, почитаемых обязательными для всех либералов, т.е. своего рода общего знаменателя их взглядов, а также посредством формирования “стандартного” образа либерализма (в пределах допустимых отклонений), созданного обобщением воззрений лиц, причисленных к либеральному пантеону»⁶. В каждом случае возникают серьезные проблемы, так как интеллектуальный катехизис либерализма всегда будет неполным, а индивидуальные представления любого эксперта о классическом либеральном пантеоне связаны с его субъективным мнением. И все же ведущую

---

⁵ Шапиро И. Введение в типологию либерализма // Полис. 1994. № 3. С. 7.

⁶ Капустин Б.Г. Три рассуждения о либерализме и либерализмах // Полис. 1994. № 3. С. 13.

роль в либерализме играет свобода. С ней связаны другие либеральные ценности, в частности «толерантность и приватность», которые по существу развивают идею свободы, в то время как конституционализм и власть закона рассматриваются в качестве «практических и институциональных принципов»⁷, обеспечивающих и гарантирующих свободу индивида.

Существенным методологическим подспорьем в изучении феномена раннего русского либерализма является социологическая теория социального поля П. Бурдьё⁸. Речь идет о поле производства идей, которое имеет ряд отличий. Во-первых, это сфера конкуренции, где агенты борются за обладание символическим интеллектуальным капиталом, позволяющим им в случае успеха навязывать собственные представления другим участникам состязания. Во-вторых, это область столкновения различных профессиональных групп влияния за право апеллировать к власти и за доминирующие позиции в экспертном сообществе, где разрабатываются проекты перспективного исторического развития социума. В-третьих, это рыночное пространство интеллектуальных услуг со сложной структурой печатного производства, цензурой, балансом читательского спроса и издательского предложения, рецензированием и продвижением определенных «нормативных» моделей, стильных мэйнстримов и модных андеграундов.

Ранний русский либерализм формировался в условиях постоянного диалога со своими близкими и дальними оппонентами. С самого начала одной из его структурных особенностей являлось наличие как минимум двух течений, конкурировавших между собой за право выражать национальную либеральную аутентичность, – «народнического» Кавелина и «охранительного» Чичерина. Соперничество усиливалось под влиянием не только различия в понимании отечественной исторической традиции, но и нюансов восприятия европейского прошлого в целом и достижений западного либерализма в частности.

Кавелин и Чичерин безусловно принадлежали к западническому кругу

---

⁷ Arblaster A. The Rise and Decline of Western Liberalism. Oxford, 1984. P. 55.

⁸ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2005.

мыслителей, но все же по-разному видели тактические перспективы рецепции европейских либеральных ценностей в России. Кавелин скептически относился к практике прямого институционального заимствования западных регуляторов общественного развития даже под контролем отечественной автократической власти и потому артикулировал идею долговременного сосуществования «новых» европейских и «старых» традиционных форм в механизме социального «инжиниринга». В мировоззрении Кавелина присутствовал значительный консервативный тренд, нередко бросавший его в «объятия» славянофилов.

Чичерин, напротив, оптимистически воспринимал перспективы системного утверждения передового западного опыта в России, возлагая главные надежды на силу и мощь просвещенного самодержавного режима, способного гарантировать не только защиту модернизационных процессов в России от любых проявлений радикализма, но и готового к проведению политики самоограничения и самореформирования. В этом вопросе Чичерин последовательно отстаивал позиции классического либерала-западника и не стремился выйти за границы либерального сегмента поля производства идей. За столкновением мнений главных действующих лиц в раннем русском либерализме нельзя не увидеть желания удовлетворить личные амбиции в борьбе за символическое первенство в либеральной среде на историческом для России рубеже 1850-х – 1860-х гг.

Не меньшей релевантностью для объяснения феномена раннего русского либерализма обладают дискуссии его представителей с радикальными и консервативными критиками. Накануне Великих реформ в поле производства идей несложно заметить открытую конкуренцию между основными направлениями отечественной общественной мысли в процессе социального конструирования модели ближайшего национального будущего. Основной площадкой развернувшейся полемики стала периодическая печать, а главным призом – участие в подготовительном этапе предстоящих преобразований в качестве экспертов и разработчиков. Необходимо отметить, что тогда либералам впервые удалось опередить своих соперников и на некоторое время занять доминирующие пози-

ции в ближнем круге советников самодержавия.

Очевидно, что применительно к раннему русскому либерализму следует сделать акцент скорее на разнообразии и неповторимости теоретического наследия, касающегося исторических форм либерализма. При обнаружении в той или иной программе признаков классической либеральной аксиологии исследователю важно определить, каким образом в ней «снимаются» базовые противоречия либерального мировосприятия в условиях национального развития. Иными словами, интересно выяснить, как отцы-основатели русского либерализма, опираясь на опыт своей социализации, смогли занять те позиции в поле производства идей, которые позволили им наиболее полно вербализировать раннелиберальную концепцию. А это бесперспективно делать без внимания к особенностям местного исторического пространства, неизбежно детерминировавшего финальный образ российского либерализма середины XIX столетия.

Кроме того, изучение раннего русского либерализма невозможно без учета специфики того поля производства идей, в котором он формировался. В этом социальном пространстве сосуществовали рынок издательских, интеллектуальных услуг с цензурой, претендовавшей на роль внешнего регулятора и модератора внутренних процессов развития отечественной общественной мысли. Содержание и ход дискуссии в либеральной среде нередко коррелировались с личной позицией редактора периодического издания, дававшего вместе с цензором санкцию или запрещававшего публикацию материалов, что вызывало конфликт с автором и даже смену им собственной диспозиции в споре.

Таким образом, ранний русский либерализм в силу своих многочисленных особенностей просто не может быть объяснен в рамках классического либерального дискурса. Этатизм, элитизм, неприятие демократии и конституционализма в первоначальной отечественной либеральной концепции выводят ее за скобки «общего либерального знаменателя». Не следует забывать и об отсутствии конвенциональных соглашений между представителями академической науки по многим содержательным вопросам и границам самого понятия «классический либерализм».

Феномен раннего русского либерализма может быть интерпретирован и в терминах социологии знания, где любая реальность воспринимается как социально конструируемая⁹. Знания об обществе, с одной стороны, объективируются в продуктах человеческой деятельности, а с другой – подвержены процессу непрерывного обновления. Таким образом, наши представления о социуме одновременно институционально объективированы и субъективно формируемы. В случае с ранним русским либерализмом это означало знакомство отечественных мыслителей середины XIX в. с историей европейской либеральной традиции и моделирование национального варианта, отличного от канонического.

В этой связи важно осмыслить механизм поддержания субъективной реальности, так как именно он обеспечивает устойчивый характер самоидентификации индивида. Среди главных условий его функционирования следует назвать существование феномена «значимых других», позволяющее перевести статичное состояние действительности «лицом к лицу» в динамичное положение ее социального переопределения, а также среды и языка, т.е. возможность проговаривать результаты своего опыта. Для основателей русского либерализма в роли «значимых других» выступали представители западной общественной мысли и собственное немногочисленное окружение, подтверждавшие их идентичность в периоды общения и полемики друг с другом.

Степень научной разработки проблемы. Междисциплинарный и инновационный характер тематики диссертации объясняет, с одной стороны, наличие значительного объема публикаций по разным аспектам изучаемой проблемы, с другой стороны, – дефицит работ, непосредственно посвященных истории раннего русского либерализма. Историкографический фундамент диссертации образуют несколько самостоятельных блоков: публикации, посвященные хронике и персоналиям интеллектуальной жизни 1840-х – 1860-х гг.; интерпретации начальной истории русского либерализма; работы биографического жанра; труды по истории отечественной общественной мысли

---

⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

XIX в.; обобщающие аналитические исследования по либерализму.

Анализ историографической ситуации по проблематике диссертации ранее в отечественной литературе не проводился, часто российские историки не знакомы с воззрениями западных авторов, отчего многие их публикации не вписываются в контекст исследований зарубежных коллег. К сожалению, по-прежнему диалог российских и западных гуманитариев по многим вопросам истории России остается явлением редким и нетипичным. По разным причинам отечественные и западные исследователи ведут свои изыскания не слыша или не зная аргументов друг друга. Эти соображения послужили поводом для того, чтобы вынести проблемы историографии в самостоятельный раздел первой главы диссертации, где они подробно рассматриваются и анализируются.

Для современной российской и англо-американской историографии в разной степени характерно рассмотрение начальной истории русского либерализма не комплексно, а фрагментарно, в виде отдельных крупных и малых сюжетов. При этом если западные эксперты все же вписывают свои локальные темы в более широкий содержательный контекст и нередко выходят на обсуждение проблемы ранней истории либерализма в России, то отечественные авторы нечасто решаются на подобные исследовательские риски. Таким образом, ранний русский либерализм, сформировавшийся во второй половине 1850-х – 1860-е гг. и имевший все признаки законченной теоретической программы пока не прошел полноценную научную экспертизу как единый интеллектуальный феномен.

Источниковая база исследования. В диссертации использованы материалы личных фондов, хранящихся в центральных архивах (Государственном архиве Российской Федерации – ГАРФ, Российском государственном архиве литературы и искусства – РГАЛИ, отделе рукописей Российской государственной библиотеки – ОР РГБ, рукописном отделе Российской национальной библиотеки – РО РНБ, рукописном отделе Института русской литературы и искусства – РО ИРЛИ).

В ходе исследования были проанализированы массивы личных архивных фондов Анненкова (РГАЛИ. Ф. 7; РО ИРЛИ. Ф. 7; РО РНБ. Ф. 23); Бабста (ОР РГБ. Ф. 512); Боткина (РГАЛИ. Ф. 54); Грановского (ОР РГБ. Ф. 84; РГАЛИ. Ф. 152); Дружинина (РГАЛИ. Ф. 167); Кавелина (ОР РГБ. Ф. 548; РГАЛИ. Ф. 264; РО ИРЛИ. Ф. 119; РО РНБ. Ф. 323); Корша (ОР РГБ. Ф. 465); Чичерина (ГАРФ. Ф. 1154; ОР РГБ. Ф. 334). В разное время значительная часть архивного материала по теме была опубликована. Тем не менее, некоторые сведения, полученные из неопубликованных источников, помогли нюансировать итоговые выводы. В частности, это касается переписки ранних русских либералов с третьими лицами, черновиков будущих работ и конспектов лекций, биографических данных, личных впечатлений, отложившихся в записках и т.д.

Одной из ведущих групп источников при изучении заявленной темы диссертации являются многочисленные труды самих ранних русских либералов, в большинстве своем вошедшие в авторские собрания сочинений¹⁰ и в отдельные сборники¹¹.

Работы отечественных либералов середины XIX столетия позволяют наиболее точно и последовательно проследить этапы становления и эволюции их взглядов, представить различные интерпретационные модели, объясняющие мотивационную составляющую интеллектуальных исканий отцов-основателей русской либеральной традиции, определить механизмы самоидентификации ранних либералов в процессе восприятия ими европейского социокультурного опыта. Кроме того, некоторые работы стали прямой реакцией на важные события общественно-политической жизни страны или на теоретические дискуссии как внутри, так и за пределами либеральной среды, наконец, на выход в свет какого-либо значительного произведения. В данном случае такой непосредствен-

---

¹⁰ См.: Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки: собр. статей и заметок П.В. Анненкова. 1848–1868 гг. СПб., 1877. Отд. 1; СПб., 1879. Отд. второй; СПб., 1881. Отд. третий; Боткин В.П. Сочинения. СПб., 1890. Т. 1; 1891. Т. 2; 1893. Т. 3; Дружинин А.В. Собрание сочинений. СПб., 1865, 1867. Т. 1–8; Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1897–1900. Т. 1–4.

¹¹ См.: Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858; Очерки Англии и Франции, М., 1858; Несколько современных вопросов. М., 1862.

ный отклик на происходившее в то время важен для выявления специфики и границ интеллектуальной мобильности любого из либеральных мыслителей.

В программных работах ранних русских либералов отражено не только базовое содержание, но и актуальная концептуализация классических либеральных ценностей в неблагоприятных национальных условиях, при которых требовалось искусно соединить цивилизационные прогрессистские преимущества либерального мировосприятия с инертной традиционной исторической средой и выполнить самое банальное требование – успешно преодолеть барьеры официальной цензуры. Таким образом, труды либералов являются как незаменимым путеводителем по извилистым интеллектуальным тропам отечественной раннелиберальной мысли, так и в некотором смысле зашифрованным посланием к современникам и потомкам, требующим желания и умения раскодирования. Это, в частности, относится к сложному и неоднозначному идейному наследию Чичерина, преждевременно и даже ошибочно ставшего уже в то время символом защиты жестких этактистских воззрений.

Несмотря на растиражированность большинства произведений самых видных представителей раннего русского либерализма (Кавелин, Чичерин), многие сочинения их единомышленников «второго эшелона» не столь известны даже в экспертных академических кругах отечественных историков идей. Без работ Анненкова, Боткина и Дружинина практически невозможно изучать социокультурную составляющую раннего русского либерализма, а труды Бабста¹² незаменимы в исследовании экономических сюжетов либеральной мысли в России середины XIX столетия.

Наиболее мобильную группу составляют литературно-публицистические источники – статьи ранних русских либералов, опубликованные в различных периодических изданиях, преимущественно либеральной ориентации. В середине XIX в. некоторые журналы превратились в территорию поливариантной идейной коммуникации, включившей в свою орбиту носителей самых разных

---

¹² См.: Бабст И.К. О характере политико-экономических учений, возникших после Адама Смита. СПб., 1856; Бабст И.К. Избранные труды. М., 1999.

концептуальных взглядов. Все без исключения отцы-основатели отечественной либеральной традиции приняли самое деятельное участие в масштабных для столичной интеллектуальной среды дискуссиях, опробовав в них, а значит на страницах журнальной периодики того времени, свои силы в конструировании либеральной модели национального развития.

К числу самых востребованных либералами изданий следует отнести «Атеней», «Библиотеку для чтения», «Вестник промышленности», «Московские ведомости», «Русский вестник». История появления и существования ряда журналов интересна сама по себе с точки зрения объединения и поляризации сил в либеральном сегменте поля производства идей («Атеней», «Русский вестник»). Внимание профессиональных экспертов привлекает редакторская политика разных периодических изданий либерального толка, в которой несложно заметить симпатии и антипатии, приводившие порой к конфликтным ситуациям с авторами отвергнутых статей или даже смене состава редакционной коллегии.

Не менее существенной для любого исследователя начальной истории русского либерализма является реакция его идейных оппонентов «слева» и «справа» на программные заявления либералов. В середине XIX столетия дискуссии проходили не только в пространстве отечественной либеральной мысли, но и в точках ее пересечения с радикализмом и консерватизмом. На страницах периодической печати разных направлений нередко возникали споры, например, о народности в науке или судьбе крестьянской общины в России, заставлявшие ранних русских либералов искать дополнительную аргументацию своим, казалось бы, уже устоявшимся воззрениям. С этой точки зрения весьма актуальным источником оказываются многочисленные материалы, публиковавшиеся на страницах журналов «Отечественные записки», «Современник», «Москвитянин» и «Русская беседа».

Радикально и консервативно ориентированные корреспонденты соответствующих изданий, критиковавшие представителей раннего русского либерализма, с одной стороны, способствовали успешной теоретической адаптации

либеральных ценностей в национальных условиях, а с другой, – ревизии взглядов и концептуализации разных течений внутри раннелиберального феномена. Несмотря на кажущуюся непримиримость позиций, полемический диалог ранних либералов, например с консервативными оппонентами, существенно корректировал содержание многих либеральных положений, что нетрудно заметить при анализе программы кавелинского «народнического» направления в русском либерализме середины XIX в.

В целом, периодическая печать давала уникальную возможность экстренно реагировать на любые заявления идейных противников либералов и создавала необходимое интеллектуальное пространство для дискуссий в самой либеральной среде, очевидно стимулируя процесс формирования раннего русского либерализма.

Вполне репрезентативную группу источников составляют сочинения классиков западной либеральной мысли, являвшихся во многом каноническими произведениями для ранних либеральных мыслителей. С трудами И. Бентама, Б. Константа, Д.С. Милля, Ш. Монтескье, Д. Рикардо, А. Смита, А. де Токвиля либералы могли знакомиться как на языке оригинала, так и переводов их работ, печатавшихся в России отдельными изданиями и в периодике XIX столетия¹³.

В процессе конструирования первоначальной либеральной модели отечественные либералы активно использовали интеллектуальный потенциал концепции «истинной монархии» и теории разделения властей, цивилизационные и утилитарные преимущества свободы в общественном развитии, прогрессистские технологии политэкономической мысли, креативные возможности просвещенной верховной власти, способной предоставить политические гарантии

---

¹³ См., например: Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении с предварительным изложением начал законоположения и всеобщего начертания полной Книги законов и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов. Сочинение английского юрисконсульта Иеремии Бентама. СПб., 1805–1806, 1811. Т. 1–3; Милль Дж. Ст. Исследования политические, философские и исторические. СПб., 1864–1865, Основания политической экономии. СПб., 1865, Размышление о представительном правлении. Вып. 1. СПб., 1863; Монтескье Ш. О существе законов, творение г. Монтескье. Т. 1 – М., 1809. Т. 2 и 3 – М., 1810. Т. 4 – СПб., 1814; Смит А. Исследование свойства и причин богатства народов. Творение Адама Смита. СПб., 1802–1806. Т. 1–4.

безопасной трансформации социума. Рецепция классического идейного наследия иногда проходила в режиме диалога и полемики ранних русских либералов с фундаментальными положениями новейших исследований европейских авторов¹⁴. В конечном счете, западная либеральная теория и практика стали своеобразной матрицей раннелиберального проекта в России, максимально адаптированной к национальным условиям.

Последнюю группу источников представляют труды предшественников ранних русских либералов тех, кого нередко записывают в ряды отцов-основателей отечественной либеральной традиции. В экспертном кругу «либераловедов» существуют версии о причислении М.М. Сперанского, П.Я. Чаадаева, декабристов, Т.Н. Грановского и других к основоположникам русского либерализма, что является, как минимум, весьма спорным утверждением. С другой стороны, изучение генезиса либерализма в России невозможно без учета работ и деятельности Сперанского¹⁵, историософии Чаадаева¹⁶, ранних и классических программ декабристов¹⁷, истории умеренного западничества¹⁸.

В отечественном интеллектуальном пространстве первой половины XIX столетия окончательно сформировался либеральный дискурс, разнообразный в своих вербальных и содержательных проявлениях. В этот период в образованных столичных кругах правительственной бюрократии, тайных организациях, салонах и кружках либеральное вольнодумство в силу ряда причин стало модным европейским увлечением, стимулировавшим процесс знакомства и первичного освоения западного либерального наследия. Как результат – первые программные заявления (декабристские и правительственные), сделанные, в

---

¹⁴ См., например: Чичерин Б.Н. Новейшие публицисты. Токвиль // Отечественные записки. 1857. Т. 113. № 5. С. 501–582.

¹⁵ См.: Сперанский М.М. Проекты и записки. М.:Л., 1961; Руководство к познанию законов. М., 2002.

¹⁶ См.: Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 т. М., 1991.

¹⁷ См.: Конституционализм. Исторический путь России к либеральной демократии. М., 2000.

¹⁸ См.: Грановский Т.Н. Полное собрание сочинений. СПб., 1905. Т. 1–2; Лекции по истории средневековья. М., 1986; Т.Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 1–2.

основном, либо без учета национальной специфики, либо путем механического соединения либеральных и традиционалистских ценностей. Вместе с тем, начальный этап либеральной рефлексии в дальнейшем привел к появлению «Философических писем» Чаадаева и работам умеренных западников 1840-х гг., которые стали предтечей раннего русского либерализма.

Научная новизна работы обусловлена самой постановкой проблемы изучения раннего русского либерализма как единого интеллектуального феномена. Впервые в отечественной историографии предпринимается попытка комплексного исследования генезиса русской либеральной традиции в ее аксиологическом, историческом, социально-политическом, экономическом и социокультурном измерении. В диссертации выявляется и интерпретируется противоречивое содержание раннелиберальной конструкции, персональный состав ее авторов, внутренняя структура либерального сообщества середины XIX столетия, а также предлагается функциональная модель изучения процессов формирования основных направлений отечественной общественной мысли.

Ранее начальная история отечественного либерализма рассматривалась, в основном, в рамках биографического жанра, декабристской темы, истории знаменитой дискуссии западников и славянофилов, реформаторской деятельности верховной власти. В представленной работе проблема происхождения русского либерализма является объектом самостоятельного академического интереса, вписанного в необходимый историко-культурный контекст. В диссертационном исследовании формирование раннего русского либерализма показано в пространстве постоянной полемики с оппонентами «слева» и «справа», благодаря чему достигается оптический эффект.

Отличается новизной методологический подход к исследованию феномена раннего русского либерализма, где главную роль играет концепция социального поля П. Бурдьё и основные положения социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана. Впервые анализируются способы и формы адаптации классического европейского либерального наследия в национальном поле производства идей накануне и в период проведения Великих реформ. Инновационный харак-

тер методологического ракурса позволяет предметно объяснить гетерогенность раннего русского либерализма и его многочисленные особенности.

Новизна диссертации прослеживается в обосновании иной понятийной парадигмы («ранний либерализм») в изучении первоначальной истории отечественного либерализма, ее концептуализации, определении периода рождения русского либерального феномена и его места в континентальной интеллектуальной традиции либерального толка.

Впервые проводится сравнительный анализ историографической ситуации по проблематике диссертации в отечественной и англоязычной историографии. Часть источников и архивных материалов рассматриваются под новым углом зрения и в новом контексте.

Теоретическая и практическая значимость работы. Спектр применения результатов диссертационного исследования достаточно широк. Методологические подходы и выводы, изложенные в диссертации, представляют значительный интерес не только для гуманитариев, специализирующихся на проблемах интеллектуальной истории, но и для системы исторического и гражданского образования. Материалы исследования вводят дополнительную аргументацию в дискуссию, идущую в академическом пространстве о русском либерализме. На данном этапе полученные результаты активно используются в общих и специальных курсах, читаемых на историко-политологическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета (курс «История России до XX в.», спецкурс «Политическая культура России XVII–XIX вв.», спецкурс «История русского либерализма XVIII–XIX вв.»), в лекциях в региональном институте непрерывного образования. Концепция и фактический материал, проанализированный в диссертации, неоднократно были востребованы в экспертной работе центра гражданского анализа и независимых исследований «ГРАНИ» и различных просветительских проектах.

Апробация исследования. Основные идеи и положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры древней и новой истории России Перм-

ского государственного национального исследовательского университета. Выводы и результаты исследования были представлены в докладах на всероссийских и международных конференциях в Казани (2006), Челябинске (2006, 2011), Нижневартовске (2007), Перми (2006–2007), Москве (2008–2010, 2012), Екатеринбурге (2009), Нижнем Новгороде (2011). По теме диссертации автором опубликована монография и 41 исследовательская работа, в том числе 15 статей в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК и 2 публикации в зарубежных изданиях.

Структура работы: Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается общая характеристика работы, обосновывается выбор темы, актуальность, научная новизна исследования, определяются объект, предмет, территориальные и хронологические рамки, формулируются цель и задачи, характеризуется степень изученности темы, дается обзор источников, определяется теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Ранний русский либерализм: историография и происхождение» основное внимание сосредоточено на выявлении степени изученности проблемы в отечественной и англо-американской историографии, определены этапы становления раннего русского либерализма в качестве самостоятельного интеллектуального феномена.

В 1 параграфе – «Историография раннего русского либерализма» проводится компаративистский анализ отечественной и англо-американской историографии по проблеме. Интерес к профессионализации темы раннего русского либерализма в отечественной историографии проявился в 1950-х – 1960-х гг., когда в трудных условиях жесткой идеологической цензуры авторам наиболее серьезных публикаций удалось заявить саму проблему и создать пилотные образцы исследовательского нарратива.

В последующие два десятилетия 1970-х – 1980-х гг. изучение начальной истории русского либерализма продолжалось и характеризовалось появлением первых научных опытов системного подхода к рассмотрению феномена раннего либерализма в России с учетом его многочисленных особенностей, вписанных в национальный политический контекст.

В целом в советской историографии в работах, прежде всего, В.Н. Розенталь, Н.Г. Сладкевича, Ш.М. Левина, В.А. Китаева, В.Д. Зорькина¹⁹ не подвергалось сомнению не только существование русского либерализма в середине 1850-х гг., но и наличие либеральной концепции, в которой присутствовала утопическая идея соединения самодержавия со свободой. Специалисты отмечали динамичное развитие отечественного либерализма в середине XIX в., особенно с 1858 г., когда в нем обнаруживаются различные оттенки и течения. Активно поддерживался интерес к изучению теоретического наследия отдельных либеральных мыслителей в рамках биографического жанра. Вместе с тем следует отметить, что ранний русский либерализм в исследованиях советских историков воспринимался критически и зачастую обозначался такими малосодержательными «лейблами», как «дворянский», «помещичий», «буржуазный», «западнический». И все же предшествующий период в отечественной историографии, в своих лучших проявлениях, способствовал формированию представлений о раннем либерализме как о самостоятельном интеллектуальном феномене в русской общественной мысли, который характеризовался неоднородностью и немалым количеством концептуальных особенностей.

В 1990-х гг. начался современный этап в изучении раннего русского

---

¹⁹ Розенталь В.Н. Первое открытое выступление русских либералов в 1855–1856 гг. // История СССР. 1958. № 2. С. 23–34; Розенталь В.Н. Русский либерализм накануне реформы 1861 г. (1855–1857 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Л., 1962; Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века. Л., 1962; Китаев В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М., 1972; Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1974; Зорькин В.Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX – начала XX в. (Б.Н. Чичерин). М., 1975.

либерализма, который можно смело назвать «либеральной волной» в отечественной историографии, вызванной известными политическими изменениями в стране, доступом к ранее закрытым архивным фондам, активными контактами с зарубежными коллегами и знакомством с достижениями западной русистики. В ответ на трансформацию политической, социальной, историографической ситуации обновлялись тематика, концептуальные модели, лексика, корпус источников по истории раннего русского либерализма. В очередной раз внимание профессионалов привлекли труды Грановского, Кавелина, Чичерина, Боткина, Анненкова. Постепенно складывалась новая исследовательская парадигма. И в первую очередь это относится к термину «ранний либерализм», который получил право «научной прописки» благодаря работам Р.А. Арсланова, Н.Г. Габидулиной и В.И. Приленского²⁰.

Дискуссия о либерализме приобрела целенаправленный и достаточно острый характер в связи с выходом в свет в 1996 г. сборника «Либерализм в России»²¹. Попытки философского осмысления истории русского либерализма позволили обнаружить любопытную картину. Среди исследователей не было согласия в понимании содержательной основы либеральной концепции, порой диаметрально противоположными оказывались подходы к периодизации истории отечественного либерализма, различными оставались и представления о персональном составе «либерального семейства».

Особенностью современной историографии русского либерализма остается тотальная «европеизация» данного феномена, стремление жестко привязать его к западноевропейскому аналогу. По мнению профессора В.В. Шелохаева к русскому либерализму едва ли применима типология, которая используется при изучении западноевропейского либерализма, так как сам русский либерализм не был ни классическим, ни постклассическим. Автор характеризует его как «особый тип интеллектуального либерализма, воз-

---

²⁰ Арсланов Р.А. К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. М., 2000; Габидулина Н.Г. Социальная философия русского либерализма первой половины XIX в. Архангельск, 2000; Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М., 1995. Ч. 1.

²¹ Либерализм в России. М., 1996.

никший и формировавшийся на теоретическом уровне в неадекватной среде»²². В этой связи рельефно выделяется проблема изучения национальной специфики либерализма. Возможно, что за «нетипичностью» раннего русского либерализма скрывается результат его мыслительной адаптации к условиям политического развития России.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. наступило время профессиональной рефлексии по поводу имевших место острых дискуссий. Появились работы, претендующие на осмысление накопленного опыта изучения начальной истории русского либерализма. Среди них необходимо отметить исследование С.С. Секиринского, посвященное социокультурным аспектам становления отечественной либеральной традиции²³, В.В. Шелохаева, обращенное к вопросам изучения генезиса русского либерализма²⁴ и В.А. Китаева, в центре внимания которого, – либеральная мысль России в 1860-х – 1880х гг.²⁵

Несмотря на очевидный прорыв в исследовании темы академические позиции российских экспертов сохраняют и сегодня тенденцию к поляризации, а многие базовые сюжеты истории раннего русского либерализма не имеют даже признаков конвенциональных перспектив. В частности, некоторые современные отечественные специалисты стремятся объявить всю русскую либеральную мысль первой половины XIX в. «ненастоящей», «нетипичной», «паралиберальной»²⁶. Формирование русского либерализма автоматически переносится ими во вторую половину XIX или даже в начало XX столетия. При этом игнорируется вся небедная на либеральные события история дореформенной России. Такие поиски «зрелой» модели отечественного либерализма явно не способствуют изучению его генезиса, так как механически, «с линейкой в

---

²² Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 36; См.: Тимофеев Д.В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск, 2006.

²³ Секиринский С.С. Русский либерализм: от 40-х к 80-м годам XIX века (идеи, люди, среда): дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.

²⁴ Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–17.

²⁵ Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004.

²⁶ См.: Либерализм в России. М., 1996.

руках», сопоставляется начальная национальная либеральная модель с классическим западноевропейским образцом.

Не менее дискуссионными представляются попытки ряда отечественных экспертов «состарить» ранний русский либерализм на полвека и объявить о его рождении еще на рубеже XVIII и XIX вв.²⁷ Эта традиция берет свое начало с известной работы В.В. Леонтовича²⁸ и сохраняется в современной российской историографии. Однако ее приверженцы явно не учитывают, что в это время в общественной мысли России практически невозможно обнаружить теоретические конструкции, в которых либерализм был бы окрашен в национальные цвета. Иначе говоря, любому эксперту недостаточно назвать имена явных или потенциальных адептов западных либеральных ценностей в России, требуется разглядеть фигуры мыслителей, способных «перевести» их на местный язык.

В проблемном поле российского «либераловедения» активно и плодотворно работали западные гуманитарии, которые в открытии новых тем, источников и подходов нередко опережали российских коллег. Поэтому самостоятельной задачей являлось изучение основных тенденций англо-американской русистики (одной из самых сильных и влиятельных в западной историографии российской истории), где интерес к генезису русского либерализма возник на рубеже 1950-х – 1960-х гг.

Наряду со скептическим отношением к самой перспективе изучения либерализма в России в середине – второй половине XIX столетия²⁹, появилось «оптимистическое» направление в историографии, обозначившее своей целью исследование мировоззрения Кавелина и Чичерина в качестве основоположников либеральной традиции³⁰. В 1960-х – 1970-х гг. русский либерализм XIX в. окончательно «вписался» в европейский контекст и в западной академической мысли начались уже плодотворные дискуссии по поводу его

---

²⁷ См. например: Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург, 2001; Михайлова Н.В. Зарождение либерализма в России. Челябинск, 1998.

²⁸ Леонтович В.В. История либерализма в России, 1762–1914. М., 1995.

²⁹ Fischer G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge, Mass., 1958.

³⁰ Hammer D.P. Two Russians Liberals: The Political Thought of B.N. Chicherin and K.D. Kavelin. Ph.D. diss., Columbia University, 1962.

содержательной и персональной идентификации³¹.

С середины 1980-х гг. в англо-американской историографии можно вести отсчет современному и самому плодотворному этапу в изучении раннего русского либерализма. В этот период были опубликованы работы, посвященные непосредственно исследованию начальной истории отечественного либерализма и ее главным действующим лицам, закрепившие доминирующие профессиональные позиции за зарубежными коллегами. Важно отметить, что в них многие методологические препятствия просто сняты. Например, на фоне разных гипотез о времени появления либерализма в России авторы тематических исследований в большинстве своем признают объективный характер существования его многочисленных особенностей. А в наиболее заметных трудах с успехом апробированы разнообразные варианты их научной интерпретации. Да и сам термин «ранний русский либерализм» давно уже «обжил» пространство в западной академической русистике, превратившись в самостоятельный научный дискурс³².

Во 2 параграфе – «Генезис раннего русского либерализма» представлен авторский взгляд на содержание и этапы формирования отечественной либеральной традиции в заочном диалоге с другими академическими версиями.

Блестящий период Екатерины Великой следует относить ко времени формирования благоприятных условий для появления первых ростков либеральной мысли. Особого внимания заслуживает известная концепция «про-

---

³¹ Schapiro L. *Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth-Century Political Thought*. New Haven, 1967; Lichtenstein A.S. T.N. Granovskii and the Roots of the Politics of Enlightenment, 1813–1844: A Psychohistorical Inquiry. Ph.D. diss., Indiana University, 1971; *Essays on Russian Liberalism* // Ed. by C. S. Timberlake. Columbia, 1972; Field D. Kavelin and Russian Liberalism // *Slavic Review*. 1973. vol. 32. № 1. P. 59–78; Riasanovsky N.V. *A Parting of Ways. Government and the Educated Public in Russia, 1801–1855*. Oxford, 1976; Kelly A. «What is Real is Rational»: The Political Philosophy of B.N. Chicherin // *Cahiers du Monde Russe et Sovietique*. 1977. vol. XYIII. № 3. P. 195–222; Walicki A. *A History of Russian Thought: From the Enlightenment to Marxism*. Stanford, 1979.

³² Offord D. *Portraits of Early Russian Liberals: A Study of the Thought of T.N. Granovsky, V.P. Botkin, P.V. Annenkov, A.V. Drushinin and K.D. Kavelin*. Cambridge, 1985; Walicki A. *Legal Philosophies of Russian Liberalism*. Oxford, 1987; Hamburg G.M. *Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828–1866*. Stanford, 1992; *Liberty, Equality and the Market. Essays by B.N. Chicherin* // Edited and Translated by G.M. Hamburg. New Haven and London, 1998; Offord D. *Nineteenth – Century Russia. Opposition to Autocracy*. N.Y., 1999.

священного абсолютизма». Совершенно очевидно, что данная конструкция во времена царствования Екатерины II стала практическим результатом восприятия интеллектуального опыта европейского Просвещения.

При Александре I «просвещенный абсолютизм» превратился в определенный стандарт государственной политики. Появилось немалое количество проектов преобразования экономики, института крепостничества, системы управления. Постепенно либеральные идеи из модного увлечения трансформировались в практическое средство реформаторской политики. Однако даже в самых просвещенных кругах русского дворянства Александровской эпохи либеральные новации оставались исключительно чужеродным и неадаптивным к российским условиям инструментом воздействия на статус-кво отечественной исторической традиции.

Поражение декабристов и ужесточение политического режима в Николаевской России ускорили поиск национальной идентичности в быстро развивающемся мире. История отечественного либерализма обогатилась идеями Чаадаева и умеренных западников, которые отдали «просвещенный абсолютизм» на откуп правительственной бюрократии и окунулись в многообразие классической либеральной мысли. «Кладовые европейского либерализма» стали точкой отсчета в размышлениях западников и местом поиска дополнительных аргументов в знаменитой дискуссии со славянофилами.

Результатом этой работы можно считать формирование либерального направления в русской общественной мысли, что предполагало наличие адекватной среды и видных мыслителей в лице либеральных западников. Вообще западничество 1840-х гг. можно лишь с большими оговорками считать исторической формой либерализма и только при условии, если его понимать достаточно широко. Не следует забывать, что феномен западничества был содержательно неоднородным и к нему в равной степени принадлежали Герцен, Белинский, Грановский, Кавелин, заложившие в 1840-е гг. основы радикальной и либеральной традиции. Что касается умеренных западников, то их идеи составили основу утопического конструкта либерального типа, так как

восприятие достижений европейского либерализма не сопровождалось адаптацией к национальным условиям.

Именно вторая половина 1850-х – 1860-е гг. стали временем формирования раннего русского либерализма как самостоятельного интеллектуального феномена. В полном объеме он реализовался в концепции «охранительного либерализма» Чичерина, сумевшего выйти за рамки предшествующей модели «просвещенного абсолютизма» за счет активного наполнения ее классическими либеральными ценностями при сохранении роли государства в качестве гаранта успешных и постепенных действий. В его формуле «либеральные меры и сильная власть» сосредоточены итоги многолетних интеллектуальных усилий либеральных мыслителей. Ранний русский либерализм как целостный феномен невозможно представить без экономических рассуждений Бабста, эстетических взглядов Анненкова, Боткина, Дружинина, Корша, историософии Кавелина. Гипотетически в раннем русском либерализме впервые в отечественной истории идей концептуально определились границы либерально-консервативного консенсуса, потенциал которого был практически использован в период подготовки и проведения Великих реформ.

Во второй главе «Ценностные идеалы русского либерализма середины XIX в.» исследуется аксиология раннелиберального феномена и выясняются разнообразные коннотации классических либеральных ценностей в концепции раннего русского либерализма.

В 1 параграфе «Индивидуализм и право собственности» представлены результаты изучения особенностей рецепции ранними русскими либералами этих ведущих либеральных принципов. Индивидуализм являлся одной из системообразующих категорий в аксиологии отечественного либерализма середины XIX столетия. В раннем русском либерализме сосуществовали элитистские интерпретации индивидуализма, с одной стороны, и эгалитарные представления о природе личности, с другой. Либералы не подвергали ни малейшему сомнению право человека на приобретение, распоряжение и защиту своей собственности. Более того это право составляло основу

либерального тезауруса середины XIX столетия, не только персонально маркировавшее идейную принадлежность мыслителя, но и во многом определявшее всю аксиологию отечественного либерализма.

Совершенно очевидно, что имевшие место разногласия в либеральной среде в трактовке феномена индивидуального или нюансах укоренения права собственности в России не выходили за рамки персональных различий в восприятии классической европейской традиции. Однако их не следует игнорировать. Возможно все дело во временном факторе, так как в России на рубеже 1850-х – 1860-х гг. в поле производства идей наиболее заметные интеллектуальные достижения были связаны с подготовкой либеральной программы Великих реформ и разработкой национальной модели либерализма.

Общественная атмосфера накануне преобразований в значительной степени детерминировала конкурентную борьбу за авторство самого удачного отечественного либерального проекта, в котором соединились бы западная теоретическая мысль и все своеобразие российской действительности. Данное обстоятельство может объяснить не только оригинальность многих размышлений ранних русских либералов, но нередко весьма умеренный характер их программных заявлений. В преддверии Великих реформ в России самодержавная либерализация общественной мысли стала прямым вызовом для либералов, требовавшим адекватного ответа.

Во 2 параграфе «Свобода» основное внимание уделено теоретическим и практическим способам и средствам адаптации свободы в национальных условиях, предложенными ранними русскими либералами.

В узком либеральном сегменте поля производства идей в России свобода, определенно являясь базовым понятием, нередко становилась объектом концептуального противостояния в процессе социального конструирования национального либерального будущего. Ранние русские либералы на своем опыте осваивали азы нелегкой науки интеллектуальных компромиссов при моделировании отечественных проектов перспективного развития. В этой ситуации сталкивались разные представления либеральных мыслителей се-

редины XIX в. о способах адаптации свободы в социально-экономических, социокультурных и политических структурах самодержавного государства.

На первый план, с одной стороны, выдвинулась проблема личного восприятия либералами национального измерения свободы, опиравшееся на уже «обжитое» и привычное смысловое пространство, идентифицированное в персональных габитусах (диспозициях) участников дискуссий. С другой стороны, категория свободы, будучи центральной в либеральной аксиологии вообще, сулила каждому из ее ведущих отечественных адептов в середине XIX в. заманчивые перспективы превратиться в классика русского либерализма в случае успешного навязывания своей эксклюзивной интерпретационной версии коллегам-конкурентам по идейному «цеху». Поэтому главные действующие лица в раннем русском либерализме нюансировали ценность свободы исходя не только из их прошлого социального опыта, обусловленного во многом процессом социализации, но и с учетом индивидуальных практик, вызванных к жизни борьбой за символическое доминирование в либеральной среде.

В 3 параграфе «Образы России и Запада» осуществляется попытка ответить на вопросы о том, как русские либералы середины XIX в. представляли современный им Запад и как выглядела Россия в либеральном дискурсе отечественных европейцев.

Русские либеральные мыслители середины XIX в. являлись сторонниками европоцентризма в вопросах аксиологии исторического развития. Понятие «цивилизация» они напрямую связывали с образом Запада, географически ограниченного пределами Англии и Франции. Среди них легко найти англomanов и франкофилов и невозможно обнаружить горячих почитателей и поклонников других европейских государственных образований. Кроме многочисленных рациональных рассуждений ранних русских либералов о социально-экономических и политических достоинствах западных стран-лидеров, в их размышлениях постоянно присутствовала и важная социокультурная составляющая. Для них Британия и Франция – территория внутреннего и

внешнего комфорта, психологического и физического наслаждения, уюта и гармонии, место обитания интеллектуала-сибарита. Путешествие в «другую» Европу воспринималось ими либо как вынужденная деловая поездка (Германия), либо как этнографическая экспедиция в экзотический край (Испания).

Образ Запада в представлении русских либеральных мыслителей середины XIX в. был разделен на «места» и «местечки», на «землю обетованную» и остальное жизненное пространство, что давало импульс к формированию искаженной картинки утопического содержания. Они достаточно произвольно конструировали имидж цивилизованного Запада, и думается англичанин или француз очень удивились бы собственному отражению в зеркале идеальной русской версии. Скорее всего, это явилось следствием своеобразного мироощущения ранних русских либералов, которое опиралось на утопический реализм, генетически связывавший их с периодом классического западничества 1840-х гг.

Можно с большой долей вероятности говорить о нескольких образах России, сложившихся в мировоззрении ранних русских либералов. Первый – географический сосед Европы, на начальном этапе не имевший с ней практически ничего общего и двигавшийся по своему собственному историческому маршруту. В его основе было пространственное восприятие России, которая не испытывала влияния формирующейся западной цивилизации, оказалась на длительный период на периферии европейской «солнечной системы». Центробежные тенденции удельного времени при отсутствии каких-либо иных структурообразующих форм сменились процессом утверждения государственных начал.

Другой образ России ассоциируется с фигурой «вечного ученика» в стенах «европейского храма мудрости» куда ее поместил еще Петр Великий. Возможно, этот имидж стал результатом утопически-реалистического восприятия русскими либералами достижений, прежде всего франко-британского исторического опыта. Для них эти очевидные успехи приобрели характер универсальной программы обучения «депрессивных» территорий

азам цивилизации. Одновременно европейский канон при допущении даже значительных критических замечаний все же ими идеализировался и приобретал искусственный цвет. Полтора века обучения не смогли превратить Россию в развитое западное государство, а затянувшееся школярство порождало пессимизм среди либералов.

В третьей главе «Программа раннего русского либерализма» выявляются и исследуются программные положения раннелиберальной концепции, связанные с историческими, социально-экономическими и политическими взглядами основателей отечественной либеральной традиции.

В 1 параграфе «Исторические взгляды ранних русских либералов» основное внимание уделено историософским представлениям родоначальников русского либерализма и их восприятию национальной истории.

Миссия истории в интерпретации либералов скорее заключалась в кристаллизации общего цивилизационного начала посредством интенсивной внутренней работы общества по «воспитанию» и согласованию между собой частных устремлений людей. Разделяя господствовавшее в тот период в европейском общественном мнении о возможности объективного, беспристрастного взгляда на события прошлой жизни, либералы акцентировали идею тщательной реконструкции картины мира, образа мыслей людей того или иного изучаемого этапа истории. Они последовательно критиковали «умозрительный» исследовательский подход и настаивали на глубоком «погружении» специалиста в эпоху. Одновременно либералы почтительно относились к многообразию фактического материала, являвшегося залогом успешного пути к получению «точного» знания об объекте научного интереса.

Ранний русский либерализм определенно пропитан идеей мессианской роли истории для судеб любого социума. «Верховный» нравственный закон, неизменно корректирующий историческое движение, воспринимался либеральными мыслителями в качестве самого устойчивого иммунитета против катастрофических финальных глупостей людей и рукотворного социального эгоизма. В конце концов национальная история того или иного народа долж-

на обрести естественную форму своего существования, что в раннелиберальном дискурсе не в последнюю очередь зависело от результатов развития профессионального гуманитарного знания.

Ранние русские либералы приняли самое непосредственное участие в разработке канонических положений «государственной школы» в отечественном историографическом пространстве. Национальное прошлое виделось им как длительный путь к исторической самореализации социума, вершиной которой либералы считали государство. Далеко не все народы смогли осилить или успешно пройти его и достичь желанной цели. Победителями, по мнению либералов, оказались ведущие европейские державы, прежде всего Англия и Франция, определившие на тот период содержание понятия «цивилизация».

Во 2 параграфе «Политическая программа русских либералов середины XIX в.» исследуется политическая аксиология раннего русского либерализма как результат соединения классического европейского либерального наследия и особенностей национальной политической системы.

Политические рецепты, прописанные ранними русскими либералами для России, содержали в себе как пророческие предсказания, так и просвещенческую дидактику с ее иммобилизмом и приверженностью к идеальным формам. Содержательно политический прогрессизм отечественных либералов, в конечном счете, реализовался в концепции «охранительного либерализма». В ней движение страны вперед оговаривалось многочисленными условиями, программировавшими бесконфликтное развитие общества в неповторимой и стерильной политической среде.

Идеально-типические схемы в политической программе раннего русского либерализма являлись не более чем теоретическими конструкциями, неизбежно вырванными из практического многообразия политосферы. Данная процедура характерна для работы над любой концепцией, заранее обреченной на универсалистские претензии и естественное усреднение конкретно-исторического материала. Поэтому отечественные либералы закономерно

оказались заложниками собственного «политического инжиниринга» и сознательно выстраивали оптимальный проект модернизации страны.

Кроме того, творческая деятельность ранних русских либералов развивалась в совсем неблагоприятных политических условиях, при отсутствии каких бы то ни было партийных институтов, демократических свобод, конкурентной борьбы между властью и оппозицией, столь необходимой всеобщей представительной системы. В этой ситуации либералы могли лишь догадываться о «положительных» и «отрицательных» последствиях политических преобразований в России, прозорливо опасаясь и угрозы консервативной стагнации, и итогов радикального реформаторства.

В 3 параграфе «Политэкономия раннего русского либерализма» представлена экономическая часть программы раннего русского либерализма, в которой либеральные ценности нашли свое едва ли не полное воплощение.

Среди ранних русских либералов чаще других по экономическим вопросам высказывались Бабст, Боткин и Чичерин. Следует отметить, что в этот период именно экономика служила очень важным детерминантом принадлежности того или иного мыслителя к кругу отечественных либералов. Длительная традиция политического самодержавия в России и социокультурная неподготовленность к рецепции классических либеральных ценностей на национальной почве компенсировались возможностью открыто заявить о своих либеральных экономических взглядах. В отличие от других они не требовали иезуитски сложного соединения категории свободы и власти, определяя очевидные потребности страны в ускоренном индустриальном развитии.

В экономической программе раннего русского либерализма соединились одновременно элементы утопии с рационалистическими мерами системного воздействия. Более того можно говорить о целевой концептуальной установке, предусматривавшей использование в «чистом виде» классических либеральных идей западноевропейского происхождения.

Нельзя сказать о высокой степени их адаптивности к национальным условиям, однако, во-первых, они во многом предопределили вектор развития отечественной экономики на долгосрочную перспективу и, во-вторых, составили успешную конкуренцию традиционным отечественным методикам экономического проектирования.

В 4 параграфе «Крестьянский вопрос в раннем русском либерализме» рассмотрены основные подходы отцов-основателей русского либерализма к решению одного из самых важных и болезненных вопросов – ближайшему и долгосрочному обустройству крестьянской жизни.

Основные постулаты раннего русского либерализма по крестьянской проблеме были сформулированы в 1855–1859 гг. концептуальными усилиями Кавелина и Чичерина. В центре полемического внимания либералов оказались исторические судьбы русской общины и предстоящее упразднение крепостного права в России, определившие точки притяжения и расхождения в либеральной среде. К этому следует добавить, что обсуждение прошлого настоящего и будущего российской деревни происходило в обстановке непрерывающегося диалога ранних либералов с их оппонентами «слева» и «справа».

Наиболее остро в среде либералов проходило обсуждение перспектив существования мирского феномена в России в обозримом будущем. По этому вопросу в либеральном сообществе середины XIX в. имелись две версии: либо крестьянская община превратилась в архаичный институт, препятствовавший движению деревни вперед и подлежащий упразднению. Либо община есть идеальная конструкция, прежде всего, социально-экономической коммуникации огромной массы населения, способная предотвратить или амортизировать самые опасные общественные катаклизмы не только в период преобразований, но и в постреформационное время.

Другой популярной и часто обсуждавшейся темой в либеральной среде являлась программа будущей крестьянской реформы. По поводу необходимости отмены крепостного права в России наблюдалось полное

единодушие, усиленное подготовительной работой верховной власти к предстоящим преобразованиям. Самыми первыми среди либералов высказались Кавелин в своей знаменитой «Записке об освобождении крестьян в России» (1855) и Чичерин в содержательном очерке «О крепостном состоянии» (1856).

В целом появившиеся разногласия в процессе дискуссии по крестьянской теме детерминировались внутренне конфликтным процессом самоидентификации либералов в интеллектуальном пространстве России накануне Великих реформ, происходившем на фоне активной полемики с идейными оппонентами «слева» и «справа». Поэтому в программах крестьянской реформы, предложенных отечественными либералами, нашла свое отражение разная содержательная динамика теоретического освоения ими европейского либерального наследия в национальных условиях.

В четвертой главе «Социокультурные особенности раннего русского либерализма» исследуются одни из самых спорных положений раннелиберальной концепции, отражающие, в частности, элитистские и аристократические интенции отцов-основателей отечественного либерализма, а также восприятие их оппонентами «слева» и «справа».

В 1 параграфе «Аристократизм раннего русского либерализма» основное внимание уделено интерпретации этой очевидной особенности мировоззрения русских либералов середины XIX в. Больше всего ранние русские либералы опасались ужесточения и без того самодержавного режима в стране, с одной стороны, и распространения демократических, а значит революционных настроений, с другой. В этой ситуации они видели единственный выход в осуществлении политики «просвещенного абсолютизма» в России. В ней могли бы соединиться усилия верховной власти, готовой к самоограничению через новые либеральные законы и образованного, политически способного меньшинства в лице национальной аристократии ради развития идеалов свободы в российском государстве в обозримом будущем. Поэтому аристократизм раннего русского либерализма следует воспринимать скорее

как одну из его многочисленных особенностей, закономерно усилившуюся в период подготовки и проведения Великих реформ.

Во 2 параграфе «Ранний русский либерализм в эстетическом измерении» содержится материал, позволяющий представить эстетическую составляющую начального отечественного либерализма, персонифицированную в знаменитом «триумvirате» – Анненков, Боткин, Дружинин.

Эстетическая декларация отечественного либерализма 1850-х – начала 1860-х гг. включала в себя антидидактизм, творческий индивидуализм, иногда граничивший с эгоцентризмом, художественный вкус, элитизм и гедонизм. Либералы концентрировались на абсолютной ценности внутреннего мира человека, неограниченных возможностях его свободного проявления и способности к индивидуальному восприятию великих тайн искусства.

Наиболее адекватной формой эстетической идентичности Анненкова, Боткина и Дружинина стала концепция «чистого искусства», пик интереса к которой в российской публицистике и литературной критике пришелся на середину-вторую половину 1850-х гг. Безусловным лидером и наиболее глубоким ее интерпретатором являлся Дружинин, посвятивший серию статей теоретическому обоснованию базовых положений «чистого искусства» и защищавший его в жестких дискуссиях с оппонентами. В основе эстетики «чистого искусства» лежала идея свободы в ее самых разнообразных коннотациях. Красота свободного творчества, неповторимая красота реально существующей душевной организации личности, чувственная красота человеческих страстей, нерегламентированная каким-либо жестким дидактическим арсеналом, воодушевляла многих ранних русских либералов.

И все же по содержанию и по форме концепция «чистого искусства» в ее российском варианте имела маргинальный статус, детерминированный как активным протестом против нормативности больших теоретических конструкций, так и неустойчивостью границ того интеллектуального пространства, в котором происходило становление раннелиберального феномена, что неизбежно рождало его многочисленные концептуальные особенности.

В 3 параграфе «Критика "слева" и "справа"» предпринята попытка вписать ранних русских либералов в общественно-политическую и литературно-публицистическую среду середины XIX столетия, где нередко их идеи воспринимались крайне жестко как со стороны демократических, так и со стороны консервативных критиков. Накануне Великих реформ в поле производства идей несложно заметить открытую конкуренцию между различными направлениями отечественной общественной мысли в процессе социального конструирования модели ближайшего национального будущего.

Русский либерализм середины XIX столетия уже в период своего формирования являлся сильным интеллектуальным раздражителем для различных оппонентов «слева» и «справа». Если демократическая критика нередко требовала от либералов радикального разрыва со старой действительностью и смелых шагов в будущее, то консерваторы упрекали их в пренебрежении к традициям и национальным интересам, а также в слепом подражании европейским стандартам развития.

Эта борьба между представителями различных направлений отечественной общественной мысли в российских условиях середины XIX в. накануне Великих реформ трансформировала содержательный контекст раннелиберальной конструкции. Со стороны либералов в полемике участвовали Анненков, Бабст, Боткин, Дружинин, Кавелин, но центральной фигурой оставался Чичерин. Именно он смог впервые представить концептуально завершённый, регионально адаптированный вариант русского либерализма в виде теории «охранительного либерализма». На автора самым серьёзным образом повлияла угроза «демократического хаоса», исходившая, по мнению всей либеральной среды, от радикальной критической мысли.

С другой стороны, дискуссии с «правыми» оппонентами велись не только ради отстаивания собственных либеральных позиций, но и за доминирование в умеренно-консервативном сегменте поля производства идей, что повышало шансы победителя на диалог с верховной властью в реформационном процессе. Либералы закономерно оказались «охранителями» просве-

щенческой по своему содержанию концепции «истинной монархии» и постепенно дрейфовали в сторону консервативного берега.

В пятой главе «"Второй эшелон" раннего русского либерализма в историко-биографической ретроспективе» исследуются мировоззрение, жизненная траектория и эволюция взглядов представителей «второго ряда» родоначальников отечественного либерализма, которым традиционно мало уделялось внимания в академической среде, но без которых невозможно изучать генезис либеральной традиции в России и сам интеллектуальный феномен раннего русского либерализма.

Анненков, Боткин, Дружинин создали известный «триумвират» родоначальников отечественной версии социокультурной конструкции «чистого искусства», Бабст многократно и содержательно высказывался по теме либеральной политэкономии, а Корш, поддерживая своих единомышленников по целому ряду мировоззренческих вопросов, занимался издательской деятельностью, выпуская, например, либеральный журнал «Атеней». Поэтому логически оправданным является стремление представить в концентрированном виде историко-биографические очерки о каждом из них, позволяющие к тому же проследить эволюцию взглядов ранних русских либералов «второго эшелона» в середине XIX в.

В конечном счете, ранний русский либерализм – результат интеллектуальных усилий узкого круга мыслителей, с трудом пытавшихся разглядеть контуры будущей европеизированной России, неоднократно менявших свои взгляды и проделавших большой и неоднозначный путь в истории отечественного либерализма. Профессиональный интерес к их судьбам привносит динамизм в исследование феномена раннего русского либерализма, нивелируя раздражающую, но неизбежную статику экспертной оценки.

Взгляды ранних русских либералов «второго ряда» отличались некоторыми особенностями. Все они в разной степени пережили периоды увлечения радикальными и/или консервативными идеями. Их внимание привлекли те или иные постулаты славянофильского течения, которым либералы порой

открыто симпатизировали. Это касается, например, темы народности, вызвавшей бурную дискуссию не только в либеральной среде. Никто из отечественных либералов «второго эшелона» в середине XIX столетия не отрицал исторической значимости национального колорита и своеобразия цивилизационного пути развития России. Нередко размышления либералов о народности облекались в элитистские формулы, требовавшие обязательного присутствия высокого художественного и профессионального начала в ее практическом воплощении. Мировоззрение ранних русских либералов «второго эшелона» в середине XIX в. закономерно отличалось определенной маргинальностью, соединявшей классические либеральные идеи (свобода, индивидуализм, право собственности) и консервативный способ их распространения в условиях автократического режима.

В заключении подведены итоги исследования. В пространстве отечественной общественной мысли в середине 1850-х – 1860-е гг. сформировался интеллектуальный феномен раннего русского либерализма, благодаря деятельности его основателей – Анненкова, Бабста, Боткина, Дружинина, Кавелина, Корша и Чичерина. Появление раннего русского либерализма стало результатом концептуализации классического либерального наследия европейского образца в неблагоприятных условиях господства традиционалистских ценностей и автократической политической практики, что определило характер и содержание многочисленных особенностей раннелиберальной конструкции.

Программа раннего русского либерализма явилась итогом длительного периода рецепции либеральных идей и их распространения в образованной части русского общества. Главная роль в этом процессе принадлежала теории и политике «просвещенного абсолютизма». Основоположники раннего русского либерализма воспользовались содержательным опытом предшествовавшего им этапа интеллектуальной рефлексии в отечественной общественной мысли по поводу исторических и аксиологических достоинств западного либерализма, получив уникальный шанс во время подготовки и проведения Великих реформ в России представить модель национально адаптированного либерального ма-

нифеста.

Взгляды ранних русских либералов пересекались в интеллектуальном пространстве либерального сегмента поля производства идей середины XIX столетия. В раннелиберальном дискурсе присутствовали и сакрализировались ценности классического западного либерализма. Свобода, индивидуализм, собственность сами по себе играли эталонную роль в моделировании идеальнотипической картины мира в интеллектуальной риторике отечественных либералов. Каждый из них не раз публично приносил клятву верности либеральному катехизису, предпочитая его другим идейным манифестам. Иначе говоря, когда обсуждались историсофские вопросы цивилизационного пути развития общественных систем, соотношения прогресса и регресса в социальной динамике или выбирались существующие образцы для подражания в ближайшей исторической перспективе, ранние русские либералы выступали последовательными адептами либеральной аксиологической «классики» в «чистом» виде.

Параллельно с этим формировались теоретические версии ее «приживления» в местных условиях и тогда уже возникали иные конструкции, серьезно отличавшиеся от привычных канонических вариантов. Таким образом, следует различать процесс восприятия ранними русскими либералами западного либерального опыта, с одной стороны, и попытки его концептуального осмысления с целью интеграции в национальную традицию, с другой стороны. Такой дифференцированный подход поможет как «защитить» основоположников отечественного либерализма от разнообразных и необоснованных сомнений в их идейной принадлежности, так и предметно объяснить нюансы и особенности первоначальной либеральной доктрины.

Ранний русский либерализм стал своеобразной теоретической вершиной концепции «просвещенного абсолютизма», оказавшейся удачной формой для существования и развития либеральных ценностей в условиях самодержавной России. Именно этим обстоятельством объясняется наличие мощного консервативного заряда, который присутствовал в раннем русском либерализме. Не исключено, что как раз консервативная составляющая в значительной степени

способствовала формированию отечественного конституционализма во второй половине XIX в. и укреплению очень хрупкой либеральной традиции.

Ранний русский либерализм концептуально вырос из умеренного западничества 1840-х гг., где либеральные и демократические идеи сосуществовали с монархическими и державными интенциями. У экспертов не вызывает сомнений принципиальный антиконсервативный пафос западной мысли, но, размышляя над русской историей, они все более склонялись к признанию необходимости централизованной политической власти.

Попытки либерально мыслящих западников «примерить» на Россию модный европейский костюм непременно заканчивались этатистскими декларациями. Что же тогда говорить о ранних русских либералах, которые ставили перед собой задачу преобразовать европейский тренд в развернутую национальную либеральную программу. С одной стороны, отечественные либералы середины XIX в. учились русской истории по книгам Карамзина и хорошо усвоили содержание и роль государственнической традиции. А с другой стороны, в тот период в любых проектах либерального обновления российского общества просто невозможно было не учитывать специфики самодержавного режима.

Интересной представляется мысль о формировании раннего русского либерализма на пересечении границ либерального и консервативного полей. Умеренное западничество на протяжении своего существования в 1840-е гг. наряду с базовыми либеральными ценностями не отвергало применительно к России идеи сильного государства, монархии, традиционной религиозной веры. Западники, противостоявшие в первую очередь славянофилам, использовали консервативные вербальные символы, но обязательно подвергали их концептуальной рационализации для соединения с либеральными идеями. Это был ответ на своеобразный интеллектуальный вызов времени, потребовавший осмыслить развитие либеральной мысли в условиях отечественной самодержавной политической системы. Таким образом, ранние русские либералы, стремившиеся сформулировать в середине XIX столетия национальную либеральную программу, опирались на уже существовавшую в их среде традицию обращения к

консервативной аксиологии.

Развитие либерального сегмента поля производства идей в России в середине XIX в. определялось способностью к теоретической репрезентации либеральной идеи в модели перспективного движения российского социума в неблагоприятных для этой цели политических условиях. В данный период русский консерватизм, будучи главным соперником либералов в борьбе за аутентичное знание национальных интересов, уже представил свою знаменитую формулу «Православие, Самодержавие, Народность», близкую и понятную власти. Ранние русские либералы должны были ответить на интеллектуальный вызов «справа», воспользовавшись историческим шансом политики либерализации на рубеже 1850-х – 1860-х гг., полученным накануне и в начале проведения Великих реформ.

«Производство» отечественной либеральной модели в середине XIX столетия изначально происходило при активном вторжении либералов в пространство конкурирующей консервативной мысли. Основоположники русского либерализма использовали плодотворный опыт умеренных западников 1840-х гг., сочетавших либеральные и консервативные ценности. Кроме того, либералы стремились продемонстрировать верховной власти возможности и перспективы расширения концепции «просвещенного абсолютизма» за счет наполнения ее классическим либеральным содержанием, адаптированным к местным особенностям и сохранявшим связь с традицией.

Конкурентоспособность ранних русских либералов зависела как от их готовности убедить политическую элиту в целесообразности своих предложений, так и от их искусства теоретически преодолеть любые пагубные последствия реформаторства и предотвратить неадекватные радикальные попытки нарушения статус-кво. Неудивительно, что в русском либерализме середины XIX в. присутствовали только тренды с ярко выраженной консервативной составляющей – «народнический» Кавелина и «охранительный» Чичерина.

По своим базовым характеристикам ранний русский либерализм может быть вписан в континентально-европейскую либеральную традицию. Поиск

близких интеллектуальных союзников приведет отцов-основателей отечественной либеральной традиции, скорее всего, во Францию, которая являлась для многих из них образцом. Наибольшее сходство обнаруживается между положениями концепции «охранительного либерализма» Чичерина и некоторыми позициями мировоззренческой доктрины Констана. Они касаются свободы личности в ее разнообразных проявлениях, первостепенности гражданской свободы по отношению к свободе политической, предоставления избирательного права на основе имущественного ценза, права собственности, аристократизма.

Ранний русский либерализм претендует на статус уникального интеллектуального феномена в большом «либеральном семействе». В нем причудливо переплелись идеи европейского Просвещения и этатизм отечественной исторической традиции, элитизм и правовой центризм, прогрессизм и неприятие демократии с конституционализмом, экономическая свобода и апология общины, эстетический снобизм и толерантное отношение к другому мнению. Проще всего объявить русский либерализм середины XIX столетия «ненастоящим», сославшись на его несхожесть с западным каноническим образом. Но в таком случае акцент в исследовании генезиса национальной либеральной традиции будет перенесен из сферы изучения ее особенностей в пространство бесполезного поиска очередного либерального клона.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Shneider, K. Was There an “Early Russian Liberalism”? Perspectives from Russian and Anglo-American Historiography / K. Shneider // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 7, 4 (Fall 2006): 825–841 (1.2 п.л.).
2. Шнейдер, К.И. Русский либерализм середины XIX в. в биографическом измерении (Е.Ф. Корш) / К.И. Шнейдер // *Вестник Челябинского государственного университета*.

венного университета. История. – 2007. – Вып. 21. – № 18. – С. 137–143 (0.5 п.л.).

3. Шнейдер, К.И. Генезис русского либерализма: постановка проблемы / К.И. Шнейдер // Власть. – 2009. – № 6. – С. 125–127 (0.4 п.л.).

4. Шнейдер, К.И. Образы Запада и России в представлениях ранних русских либералов / К.И. Шнейдер // Диалог со временем. – 2009. – Вып. 27. – С. 245–262 (1 п.л.).

5. Шнейдер, К.И. Исторические взгляды ранних русских либералов / К.И. Шнейдер // Диалог со временем. – 2010. – Вып. 32. – С. 123–141 (1 п.л.).

6. Шнейдер К.И. Ранний русский либерализм: власть свободы или свобода власти / К.И. Шнейдер // Диалог со временем. – 2010. – Вып. 33. – С. 140–150 (0.7 п.л.).

7. Шнейдер, К.И. Ранний русский либерализм в отечественной и зарубежной историографии / К.И. Шнейдер // Российская история. – 2010. – № 4. – С. 177–187 (1.2 п.л.).

8. Шнейдер, К.И. «Либерал во дворянстве»: аристократическое начало в раннем русском либерализме / К.И. Шнейдер // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2011. – Вып. 43. – № 1. – С. 33–38 (0.5 п.л.).

9. Шнейдер, К.И. Индивидуализм и собственность в мировоззрении ранних русских либералов / К.И. Шнейдер // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 35. – С. 59–76 (1 п.л.).

10. Шнейдер, К.И. Экономическая программа раннего русского либерализма середины XIX века / К.И. Шнейдер // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2011. – Вып. 44. – № 9. – С. 25–30 (0.5 п.л.).

11. Шнейдер, К.И. Образы исторической науки в раннем русском либерализме / К.И. Шнейдер // Власть. – 2011. – № 5. – С. 51–55 (0.5 п.л.).

12. Шнейдер, К.И. Ранний русский либерализм в политическом измерении / К.И. Шнейдер // Власть. – 2011. – № 8. – С. 91–94 (0.4 п.л.).

13. Шнейдер, К.И. Политическая программа русских либералов середины XIX в. / К.И. Шнейдер // Вестник Пермского университета. История. – 2011. – Вып. 2. – С. 95–108 (1.5 п.л.).

14. Шнейдер, К.И. Крестьянский вопрос в раннем русском либерализме (сер. 1850-х – сер. 1860-х гг.) / К.И. Шнейдер // Вестник Пермского университета. История. – 2011. – Вып. 3. – С. 5–11 (0.8 п.л.).

15. Шнейдер, К.И. Ранний русский либерализм: критика «слева» и «справа» / К.И. Шнейдер // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 41. – С. 91–107 (1 п.л.).

Монографии:

16. Шнейдер, К.И. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма: монография. – Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т. 2012. – 230 с. (13.37 п.л.).

Другие публикации:

17. Шнейдер, К.И. Проблемы отечественной истории глазами русских либералов XIX в. / К.И. Шнейдер // Вестник Пермского университета. История. – 1998. – Вып. 2. – С. 121–129 (0.7 п.л.).
18. Шнейдер, К.И. Ранний русский либерализм 30 – 50-х годов XIX века в современной отечественной историографии / К.И. Шнейдер // Вестник Пермского университета. История. – 1999. – Вып. 4. – С. 151–160 (0.7 п.л.).
19. Шнейдер, К.И. Ранний русский либерализм: дискуссии в отечественной историографии / К.И. Шнейдер // Вестник Пермского университета. История. – 2004. – Вып. 5. – С. 131–135 (0.4 п.л.).
20. Шнейдер, К.И. В поисках утраченных иллюзий или ранний русский либерализм в историографической ретроспективе // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: Сб. ст. – Челябинск: «Каменный пояс», 2006. – С. 330–339 (0.8 п.л.).
21. Шнейдер, К.И. «Лицо либеральной национальности» / К.И. Шнейдер // Вестник Пермского университета. История. – 2007. – Вып. 3. – С. 48–52 (0.4 п.л.).
22. Шнейдер, К.И. «Политэкономия» раннего русского либерализма / К.И. Шнейдер // Исторический вестник университетов Любляны и Перми. – 2008. – Вып. 2. – Пермь: Перм. гос. ун-т. – С. 40–46 (0.5 п.л.).
23. Шнейдер, К.И. О некоторых «фобиях» современного отечественного «либераловедения»: начальная история русского либерализма как историографический «фантом» // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения / ред. М.Г. Пугачевой, В.С. Вахштайна. – М.: Университетская книга. 2009. Т. XVI. – С. 234–242 (0.5 п.л.).
24. Шнейдер, К.И. Миссия истории и историка в раннем русском либерализме // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – XXI веков: Сб. ст. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. – С. 466–472 (0.5 п.л.).
25. Шнейдер, К.И. Ценностные идеалы раннего русского либерализма / К.И. Шнейдер // Journal of Modern Russian History and Historiography. 4, 1 (2011). P. 130–150 (1.2 п.л.).